

Силы и идеологии для кризиса порядка

Церковь должна знать, как обратиться к человечеству, дезориентированному «кризисом мирового порядка». Так Ватикан обобщает результаты *Всеобщей конгрегации* – преконклава, в ходе которого кардиналы дискутируют по вопросам, определяющим их выбор при избрании новых понтификов.

Полезно вспомнить другой момент *кризиса порядка*, произошедший более тридцати лет назад, когда распад СССР, воссоединение Германии и, наконец, *первая война в Персидском заливе* ознаменовали конец Ялтинского порядка. По своим последствиям это было сопоставимо с третьей мировой войной – в стратегическом плане и из-за обесценивания капитала СССР, но не по человеческим жертвам: около 500 тысяч погибших, порядка одной сотой от потерь второй мировой войны. Можно сказать, что это была “половина” второй мировой: в 1989–1991 годах был нарушен баланс сил в Европе, тогда как в 1939–1945 годах шли две войны – на Старом континенте и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Войны, сопровождавшие распад Югославии в 1990-е годы, и сегодняшняя война на Украине – это отложенные последствия того стратегического перелома.

В 1991 году, столкнувшись с противоречивым движением итальянской «пограничной буржуазии» и преобладанием «политической пассивности», католическая церковь вклинилась в этот политический вакуум, сместив центр тяжести внешней политики ближе к Ватикану. Вот как это было оценено Арриго Черветто в статье “Социальные противоречия и политическая пассивность”: «Государство Ватикан больше не является оплотом атлантизма, как в прежние времена. Его линии сопротивления и экспансии выражены:

1) в тьермондистской позиции, направленной на сохранение своего влияния в зонах растущего религиозного соперничества, особенно после потери ливанского форпоста;

2) в наступлении на Восточную Европу, чтобы заполучить сферу влияния в распавшейся советской империи;

3) в европеистской линии, которая опирается на вес католических партий и лидеров, а также на страхи по поводу ножниц между рождаемостью и иммиграцией.

Тот факт, что антисаддамовскую коалицию возглавляли протестантские администрации США и Великобритании, также сыграл свою роль в пацифистской кампании церкви.

Ватикан получил в Италии большее влияние, чем когда-либо в новейшей истории. Потерпев поражение во времена Рисорджименто, папство всегда использовало войны, чтобы отвоевать позиции. В 1917 году подобную попытку предпринял Бенедикт XV, выступив с призывом против “бесполезной бойни”, однако она была сведена на нет при Капоретто. Церкви пришлось ждать до 1943 года, чтобы снова прямо и открыто вступить в политическую игру через католическую партию».

Новизна той пацифистской кампании заключалась в том, что Ватикану удалось «привлечь на свою сторону заблудшие отряды традиционной русской партии» – ИКП, и её так называемый «левый папизм» стал последней метаморфозой «понуриго и разномастного оппортунизма».

Эта история помогает задуматься, почему марксистская наука сосредоточила внимание не только и не столько на религии в целом, с точки зрения материалистической концепции, сколько конкретно на католической церкви – в плане её политических действий и стратегического видения.

Самый очевидный ответ заключается в том, что это крупнейшая политическая сила правящего класса и единственная, имеющая всемирное укоренение. Имея около 400 тысяч священников, 600 тысяч монахинь, 5 тысяч епископов, сенат из 250 кардиналов, представляющих 94 стран, и централизованное руководство в форме *примата Петра* и курии, католическая церковь не имеет аналогов среди других конфессий, не обладающих международным центром. Тем более – в сравнении с неустойчивыми межпартийными координациями вроде Социалистического или Христианско-демократического интернационала. Пусть католицизм неравномерно укоренён в различных регионах, ни одна другая организация не располагает миллионом функционеров и пятью тысячами высших руководителей. А главное – ни одна другая сила не способна выработать единое стратегическое видение в таком масштабе, в диалектике между наднациональным центром и множеством поместных церквей, в свою очередь связанных с политическими надстройками государств.

Не забывая о существенном различии между пролетарским интернационализмом и *католическим интернационалом* в их отношении к классам, можно говорить и о сходстве, над которыми стоит задуматься – в том, что касается действия организованных *меньшинств* на мировой арене и стратегии как концепции динамической связи между классами и государствами в *долгие времена* и во всемирном международном измерении.

Стратегический рубеж 1989–1991 годов имел специфические последствия для Италии. Как уже было видно по “левому папизму”, блуждание *русской партии*, а чуть позже и крах всей парламентской партийной системы оставили католическую церковь единственной силой, обладающей политическим потенциалом и стратегическим видением. Марксистская школа не оставила богатого наследия на этот счёт. Теперь появилась необходимость изучить католическую организацию для политического сражения, в котором она выступала бы в качестве гаранта социального консерватизма, – но избежать при этом детской максималистской болезни антиклерикализма.

Сегодня, в новых условиях, отмеченных атлантическим упадком и восхождением Азии, возникает ещё одна специфическая задача. Она заключается в изучении многополярной церкви как силы и идеологического резерва унитарного империализма в условиях *кризиса порядка* и его войн.

(продолжение на стр. 2)

Май 2025 г.